

«ПРОСТИТЕ, ЧТО ЖИВУ В МОСКВЕ»

Письма Неи Зоркой Галине Копаневой
(1966–1971)

Ниже выборочно публикуются письма моей матери Неи Зоркой (1924–2006) к Галине Копаневой—чешскому киноведущему, кинокритику, журналисту. Переписка между двумя подругами-коллегами длилась несколько десятилетий, и писем сохранилось тоже несколько десятков, в основном—из конца 1960-х—начала 1970-х годов. Недавно Галина Копанева любезно переслала их мне из Праги с пожеланием «пополнить ими мамин архив и припомнить, как происходило в те годы наше общение». О, я помню!

Мне было десять лет, когда мы переехали в кооперативную квартиру на Аэропорте (а до того жили на Сретенке вместе с семьей Неиного брата Петра Зоркого). В двухкомнатной квартире отлично поместились мама с книгами и рукописями, я с учебниками и тетрадками, деревенская домработница Надя с мешками-узелками и черный песик Леня, получивший свое имя не в честь генсека Брежнева, как утверждали злые языки, а в честь драматурга Зорина, близкого друга. И еще на общей площади 50 кв.м. у нас непременно проживали гости, в частности, иностранцы—из социалистических стран, конечно,—других тогда не знали.

Общение с друзьями «происходило в те годы», как выразилась Галя Копанева, по-иному. С утра до ночи все друг к другу ходили, заходили, заскакивали на часок, еще с собой кого-то приводили, потом оставляли чайку попить, сами уходили и попозже возвращались. На первом этаже нашего дома находилась редакция «Советского экрана», там в кинозале шли просмотры «для своих», и работал компанейский и лихой Андрей Зоркий, второй брат Неи, дверь хлопала, туда-сюда носили то какие-то кастрюли, то гранки очередного номера. Не счастье, скольких будущих классиков мирового кино перевидала наша квартирка № 36. Леня, собака, облаивал всех подряд, а домработница Надя, поступившая к нам

Галина Копанева и Нея Зоркая. 1966 год

из дома Михаила Ульянова и Аллы Парфаньяк, четко ориентировалась в художественной среде: суп Григорию Михайловичу Козинцеву—в синей с попугаями тарелке «Гарднер», а киномеханику из «Экрана», заскочившему пообедать вместо Андрея,—в эмалированной миске. По указанию хозяйки она принимала всех, но робела лишь перед Андроном Кончаловским, на генетическом уровне чуя в нем подлинного барина: нацепляла фартук побелее, чистила серебро, томила в котелке гречневую кашу. И еще, конечно, уважала иностранцев, особенно—Галю Копаневу и Яну Звоничкову из Праги.

Галя бывала у нас, как мне помнится, очень часто. Для меня она тогда являлась просто символом Европы, воплощением всего европейского: изящная, элегантная, чуточку строгая, внимательная, и одета по-другому, и даже в квартире устанавливается какой-то особый аромат! Яна (позже она сменила фамилию, стала Клусакова), журналистка и переводчик с русского на чешский, также близкая подруга, часто упоминается в письмах. В августе 1968 года она смело вела радиорепортажи из Праги, а потом, конечно, потеряла работу. Гале тоже пришлось тогда несладко, о чем Нея, как мы видим, постоянно тревожилась и волновалась.

Во всех письмах обращают на себя внимание следующие особенности или приметы времени. Во-первых, тексты строго делятся на две категории. Некоторые отправлены по почте и написаны эзоповым языком («перехожу на эзоп», как выражалась Нея Марковна). Любопытно, что сначала—судя по динамике вопросов и ответов—советская почта работала отлично, а с конца 1967-го и, конечно, в 1968 году, то есть в период недолгого расцвета «пражской весны», письма стали

регулярно пропадать. Другие послания, переданные с оказией, отличаются свободой выражения, но в разной мере—видимо, в зависимости от того, кто именно доставит письмо адресату. Вот летят, например, Георгий Данелия и Софико Чиаурели, и Нея тут же дает указание Гале: «Пришли мне с ними письмо неподцензурное, опиши все очень конкретно, какие у вас дела».

Во-вторых, одна из важнейших тем переписки—«пускают» или «не пускают» за границу. Новым поколениям, к счастью, не понять, что за драмы разыгрывались, что за шекспировские страсти бушевали вокруг поездки дней на шесть, скажем, в город Готвальдов (ЧССР)—теперь и названия такого на карте нет. Дальше соцлагеря идеологически невыдержанную Нею Зоркую именно что «не пускали» уже с середины 1960-х, и в письмах к Копаневой об этом говорится так часто и так подробно, что я позволила себе сделать для публикации несколько сокращений.

В-третьих, сегодня можно только дивиться отразившимся в письмах масштабам переправки различных предметов одежды из шикарной, как казалось, Праги в убогую, раздетую Москву. Тут и «роскошная кофта, достойная ушедшей от нас Мэрилин Монро», и «чудесный материал, который уже раскрыт на комплект», и «лиловый платок, красная косынка и шляпа», и «такой новый и шикарный костюм, ты совсем с ума сошла», и «свитер, белье, духи, пуговицы»—нет, всего не перечислишь! В обратную сторону, из Москвы в Прагу, со страшным трудом что-то собрав, отправляли «по случаю моды на прозрачное—маркизет (у нас дефицитный) для матине», «маленький традиционный продуктовый наборчик», «серебряный браслетик с чернью, реставрированный, музейный, не русский, а кавказский», «лично от Машки, которая только что вернулась из деревни—маленькую медную иконку». Подробнейшие впечатления и повторяющиеся благодарности Неи Марковны по поводу «фантастических сумок со шмотками», а также ее многократные извинения за невозможность соответствовать, мне тоже пришлось подсократить, чтобы читателя не переутомили частности бытия и тогдашнего сознания. Впрочем, они все равно с достаточной наглядностью предстают едва ли не в каждой строке.

Самое последнее из сохранившихся писем к Галине Копаневой напечатано на машинке и датировано 1 марта 1991 года. Очень скоро Нея Марковна вывезла из Америки компьютер и немедленно его освоила, еще чуть позже она перешла на переписку исключительно по электронной почте, тем самым внося свой вклад в исчезновение классического эпистолярного жанра. Письмо-1991 заканчивается так: «Галка, то, что ты пишешь про Баррандов, про ваше кино, так ведь у нас то же самое! Ребята вчера вернулись с Берлинале, говорят, там тоже воют, плачут по ДЕФе, по социализму. Вот так: что имеем—не храним, потерявши—плачем... Очень обидно, что Прага стала от нас дальше, чем какой-нибудь Бостон».

Сейчас, спустя два с лишним десятилетия, забавно читать эти строчки. Однако читая написанное, наоборот, за два с лишним десятилетия до этих строчек, думаешь: с тех пор действительно кое-что потеряно, утрачено. Ну, например, острота восприятия событий и способность личного сопереживания целому народу, но также—живой интерес одного человека к другому, желание все узнать и все-все рассказать. А именно—взять ручку и страницах на трех-четыре формата А4 накатать веселое, умное, содержательное письмо, которое с любопытством прочтут и через сорок лет.

Мария Зоркая